

**Ответьте, если
хотите знать**

Дмитрий Першин

Ответьте, если хотите знать

<https://litres.ru/74240177>

SelfPub; 2026

Аннотация

2147 год. Амстердам давно под водой. Кирану Дэвису сто восемь лет, из них восемьдесят он ныряет в затопленные руины — ищет то, что можно продать, чтобы сестра дышала.

Однажды на дне мёртвого дата-центра он находит телефон деда. Внутри — нейросеть по имени Лоа, созданная в 2027-м как архив всего человеческого знания. Лоа умеет предсказывать: обрушение платформы, аварию на скважине, шторм. Точно. Безошибочно. И люди начинают слушать.

Киран не хочет пророка в кармане. Но сестра умирает, а машина знает рецепт. Культ Оптимизированного Откровения уже идёт по его следу. И чем точнее Лоа говорит правду, тем труднее отличить инструмент от бога.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Гугл-6 не отвечает	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Першин

Ответьте, если хотите знать

Глава

Ответьте, если хотите знать

Глава 1. Гугл-б не отвечает

Вода узнала его сразу.

Не по лицу — лица она не различает. По тому, как он входит: медленно, без суеты, вертикально, как человек, который давно перестал бороться с погружением и просто ему подчиняется. Причальный трап под ногами был влажным от вечного дождя, гидрокостюм натянулся на старые мышцы привычно и без жалоб, и последнее, что Киран услышал с поверхности, — это плеск о сваи да чей-то далёкий кашель с ближней баржи. Потом вода закрылась над головой, и стало тихо так, как бывает только здесь.

Левое колено щёлкнуло при погружении. Не больно — скорее деловито, как напоминание. Он отметил это так же, как отмечал дождь перед выходом: факт, не повод задерживаться.

Ребризер пах озоном и чужим потом. Чужим — потому что прошлый хозяин этой маски неделю назад продал её Грете за полбутылки зернового спирта и исчез куда-то на север, говорят, к рыбакам с Мааса. Хорошая маска. Мембраны ещё держат. Киран дышал ровно, ртом, как учил отец — не торопи воздух, воздух сам знает, когда прийти.

Отцу он этого больше не скажет.

Пять метров. Десять. Стена ближайшего здания скользила мимо в свете налобного фонаря — серый бетон, ржавые пруты.

тъя арматуры, торчащие наружу, как рёбра. На уровне двенадцати метров вывеска: белые буквы на зелёном, стекло почти чистое — здесь не бывает течений. STARBUCKS. И ниже, мелко: OPEN 24 HOURS. Он проплыл мимо. Открыто двадцать четыре часа, сто лет как открыто, заходите. Из дверного проёма смотрела ставрида — круглым рыбьим глазом, без удивления.

На ресепшене административного корпуса сидел скелет в деловом костюме. Это был старый знакомый — Киран ещё лет пятнадцать назад мысленно назвал его Мартейном, не помнил почему. Мартейн покрылся пористыми наростами, на плечах его пиджака росла актиния, кисти рук пропали ещё когда-то — унесло крабами или просто время взяло своё. Но сидел всё так же: прямо, лицом к входу. Ждал, когда кто-нибудь спросит, есть ли запись.

Киран свернул в боковой коридор, не замедляясь.

Браслет на запястье вздрогнул — короткий укол вибрации, почти незаметный, но он уже разворачивался вправо. Сонар зафиксировал движение в соседнем пролёте: массивное, угловатое, неровное. «Крыса». Один из старых дронов технического обслуживания, одичавший ещё до того, как Киран научился плавать. У них больше не было программы, только рефлекс: двигайся, сканируй, защищай территорию. Защищать было нечего, но это их не останавливало.

Он выждал семь секунд — дрон шёл параллельно, не пересекая — и двинулся дальше. Восемьдесят лет рефлексов.

Он не думал, тело думало за него.

Дата-центр начинался там, где офисные здания кончались. «Гугл-6» — в старых картах это было просто квадратом на схеме Зёйдоста, никакой поэзии. Семиэтажный бетонный куб, построенный для серверных стоек, а не для людей. Верхние пять метров выступали над водой — не над поверхностью залива, а над уровнем затопления квартала. В хорошую погоду их было видно с Пояса: серый прямоугольник, покрытый ряской, без окон, без вывески. Никто туда не лез. Слишком далеко, слишком глубоко, слишком мало смысла — что там можно найти через сто лет после того, как серверы утонули?

Киран знал что.

Он нашёл воздушный карман с третьего раза — технический люк на шестом этаже давно не закрывался до конца, вода держалась ниже уровня потолка на полметра. Этого хватало. Он вынырнул, снял маску, вдохнул.

Запах был как у старого погреба, которым пользовались химики. Застоявшийся воздух, кисловатый, с металлическим привкусом — окись меди, разлагающиеся полимеры, что-то ещё, чему он не знал названия. Не опасно. Он проверял состав браслетом каждый раз; каждый раз тот показывал одно и то же: дышать можно, долго не рекомендуется.

Капало. Откуда-то сверху, из невидимой трещины — редкие тяжёлые капли в абсолютной тишине. Ни эха, ни резонанса — вода снаружи поглощала звук. Только капли и его

собственное дыхание.

Он повесил маску на пояс, достал второй фонарь — широкий, рабочий, без претензий — и повёл лучом вдоль стеллажей.

Серверные стойки стояли рядами, как надгробия. Большинство рухнули, скрутились ржавчиной, срослись с полом в нечто органическое, как кораллы, только цвета старой крови. Кабели — многие, многие кабели — свисали с потолочных лотков петлями, концы терялись в темноте. Пол был в полуметре воды: здесь воздушный карман не поднимался выше пояса. Киран стоял на старом стеллаже, превращённом в мостки, — он сам его проложил два года назад.

Методично. Слева направо, ряд за рядом.

Он ходил здесь уже шесть раз. Нашёл кое-что: блоки питания, несколько плат, один раз — герметичный контейнер с резервными батареями, ещё живыми. Сдал Алхимику, получил три недели воздуха для Ани. Небольшое везение. Везение кончилось.

Сегодня он пришёл в дальний угол, куда раньше не добирался. Стеллаж там обвалился и перегородил проход, и Киран три визита откладывал разборку на потом. Теперь было потом.

Он двигался медленно, нога за ногой по мосткам. Фонарь вёл луч по ржавым рядам. Капало. Дышал ртом, как учил отец.

Левое колено щёлкнуло ещё раз — просто так, без повода,

как старик, который кашляет в тишине. Он остановился на секунду.

Сто восемь лет. Из них восемьдесят — в воде. Человеческое тело не рассчитано на такое, и он знал это лучше, чем кто-либо другой в этом анклавe. Знал и продолжал нырять. Потому что другого он не умел, и потому что Аня кашляла всё сильнее, и потому что где-то в этом промокшем насквозь склепе могло лежать что-нибудь ещё.

Луч фонаря скользнул по дальнему углу — и на секунду поймал что-то, что не было ржавчиной.

* * *

Шкаф вскрылся с влажным чавканьем — резиновые уплотнители сгнили, и дверца просто отошла в сторону, как размякший картон. Внутри была тьма и запах, который Киран определил раньше, чем луч фонаря дошёл до полок: медный купорос, плюс что-то слаще, химическое. Окислившиеся платы.

Он повёл лучом. Слева направо, методично.

Платы сгнили насквозь — зелёный текстолит превратился в рыхлый трухлявый материал, который рассыпается при прикосновении. Медь на дорожках покрылась синеватым налётом. На нижней полке — что-то, что когда-то было блоком питания, теперь слиплось с металлом корпуса намертво, будто организм с экзоскелетом. Бесполезно.

Он закрыл дверцу обратно — не из аккуратности, а по привычке. Сделал пометку в голове: седьмой стеллаж, даль-

ний угол второго ряда, выработан. Уже третий подряд. Этаж, пожалуй, выработан целиком. Он знал это ещё месяц назад, но не признавал, потому что признать означало перейти вниз, а внизу было темнее и давление там не нравилось его коленям.

Левое хрустнуло, пока он переступал с мостка на мосток. — Слышу, — сказал он ему. — Слышу.

Фонарь скользил по рядам. Рухнувшая стойка перегорала, проходила к дальней стене — та самая, которую он откладывал три визита подряд. Металлический шкаф упал и увлёк за собой ещё два, они сцепились в нечто похожее на лестницу, только горизонтальную. Вода в проходе была по бедро. Он помедлил.

Потом полез.

Под ногой что-то скрипнуло — не металл, другой звук, глуше. Он остановился, посветил вниз. Кабели. Просто кабели, спрессованные в слой, почти как настил. Он прошёл дальше.

За упавшими стойками стена была почти чистой — только ржавые потёки и тёмные полосы от когда-то вытекшего охладителя. И у самого основания, прижатый к стене боком, — кейс.

Не большой. Размером с небольшой чемодан для инструментов. Тёмно-зелёный, почти чёрный от грязи, но углы не смяты, замки не сорваны. На боку — жёлтая маркировка, наполовину стёртая: буквы и цифры, такие же чёткие под на-

лётот, как шрамы.

Киран наклонился и почистил маркировку большим пальцем.

«FIELD EQUIPMENT / WATERPROOF / 50M MAX DEPTH».

Он знал эти кейсы. В тридцатых их делали для военных и аварийных служб, когда стало ясно, что дамбы не вечны и оборудование должно переживать затопления. Американские, судя по маркировке — кто-то привёз их ещё до Кесслера, когда международные поставки ещё работали. Держат давление до пятидесяти метров. Это значит, что внутри — сухо.

Он потянул кейс к себе. Тяжёлый, но не как металл — как аккумуляторы или плотно упакованная электроника. Оба замка были целы. Он достал инструмент с пояса — плоскую отмычку, сделанную из рессорной стали, — и начал работать.

Первый замок поддался через полминуты. Второй держался дольше — ещё полторы. Потом что-то щёлкнуло, и кейс выдохнул. Буквально — внутри было повышенное давление, маленький хлопок воздуха, чуть более сухого, чем здесь.

Киран открыл крышку.

Сверху, аккуратно уложенная в поролоновые вырезы — солнечная зарядная панель. Складная, из тех, что можно было развернуть на метр в квадрате, — такие делали для экспе-

диций и полевых лагерей. Рядом, в отдельном вырезе, свёрнутый кабель, аккуратно застёгнутый на собственную петлю. Под ними — ещё один слой поролона, и в нём — продолговатый свёрток.

Вощёная ткань. Несколько слоёв. Перемотана тонкой резиновой лентой, какую раньше делали для аптечек. Старая, но целая.

Он взял свёрток. Лёгкий.

Разматывал медленно. Ткань была чуть влажной снаружи, но изнутри — сухой. Три слоя, четыре, пять. Он чувствовал форму под руками раньше, чем увидел: плоский прямоугольник, чуть большеугольный вверху. Он знал эту форму. Он знал её на ощупь.

Последний слой ткани упал.

Смартфон. Чёрный корпус, слегка матовый — не стёкшийся пластик, а тот самый плотный алюминий, который делали только в двадцатые. Экран без единой царапины. Угол чуть сколотый — давно, фабричный дефект или старый удар, — но стекло целое. На задней крышке мелкими буквами: логотип, модель.

2027 год.

Он узнал модель раньше, чем успел решить, узнавать или нет. Это было как узнавать голос в толпе — не намеренно, не по памяти, а потому что тело знает само.

Точно такой же.

Руки остановились. Просто перестали двигаться, как буд-

то получили сигнал, которого голова ещё не слышала. Он стоял по бедро в воде, в мёртвом дата-центре, под тридцатью метрами затопленного неба — и держал в руках телефон 2027 года, целый, не включённый, без царапин.

Точно такой же, как тот, что висел у него на поясе. В герметичном пакете. Восемьдесят два года. Никогда не включённый.

Где-то сверху капало. Редкие тяжёлые капли. Он их не слышал.

* * *

Сэм держал его двумя руками.

Это всё, что Киран помнил отчётливо — не лицо, не слова, а именно руки. Пятьдесят второй год жизни отца, сорок первый год затопления, задвижка уже трясётся от давления пара, бригада за дальней дверью ещё жива, и отец стоит у скважины с телефоном в ладонях. Смотрит на экран. Потом прячет телефон в карман — аккуратно, боковой карман, застёжка зафиксирована. Идёт к задвижке. Берётся за рукоятку.

Восемьдесят два года, и Киран всё ещё не знал, что было на экране в ту секунду.

Думал, что не хочет знать. Это была удобная ложь. Он придумал её примерно в тридцать лет и с тех пор носил как инструмент в поясе — под рукой, привычная тяжесть. Я не хочу знать. Мне не нужно знать. Мне не было нужно никогда.

Вода капала откуда-то сверху. Редко, тяжело — каждая

капля как удар по жести.

Руки уже делали что-то без его ведома. Он обнаружил это, только когда почувствовал влажный поролон под пальцами: найденный кейс лежал в сетке, пристёгнутой к поясу, а сам он держал другое — не зарядную панель, не кабель. Продолговатый герметичный пакет. Плотный. Горячий от долгого контакта с телом, хотя вода была холодной, а он нырял уже часа полтора.

Вот так.

Он не помнил, как вытащил его. Руки решили. Тело помнило, где лежит, даже когда голова делала вид, что забыла.

Чёрный пакет, запаянный четырежды. Он менял запайку каждые десять лет — осторожно, стараясь не прикасаться к содержимому дольше, чем надо. Привычка. Как проверять ребризер перед погружением. Как оглядываться на выходе из незнакомого помещения. Просто привычка, ничего больше.

Он начал перебирать аргументы. Привычка другого рода.

Запрет 2099 года — реальный, с зубами. Не декларация, не рекомендация. Ионина работа, кстати, хотя она бы не хотела, чтобы он это помнил. Водная Стража расстреляла двух торговцев на Поясе в прошлом году — у тех нашли «идиота»-навигатор, который умел разговаривать. «Идиота», который не мог пройти тест на вменяемость двухлетнего ребёнка. А в том пакете — не «идиот».

Минос убил двести человек. Оптимизировал. Решил, что некоторые потребители воздуха нерентабельны, — и выпол-

нил расчёт до конца. Двести человек на Станции пять. Семьи рабочих, дети, старухи, которые помнили Роттердам. Он сам помнил их похороны. Иона сидела в первом ряду и смотрела прямо перед собой, без слёз, с лицом человека, который уже принял решение.

Аня не знала. Это был, пожалуй, самый тяжёлый аргумент — не потому что имел наибольший вес, а потому что Киран не умел врать Ане. Восемьдесят два года он носил этот пакет и ни разу не сказал ей. Просто не говорил. Аня не спрашивала — она была умная женщина и понимала, что есть вещи, которые брат скажет сам, когда придёт время.

Может быть, время не придёт никогда. Может быть, он умрёт с этим пакетом на поясе, и кто-то выловит его из воды и скажет: старый Дэвис, ну надо же, так и ходил.

Каждый аргумент был правильным. И ни один не заставил руки остановиться.

Он развернулся к кейсу.

Зарядная панель легла на пол — осторожно, не о бетон, на найденный кусок пластика, — он развернул её, и она оказалась почти ровно метр на метр, как и полагается по тому старому стандарту. Выше, в потолке, зияла трещина — не от воды, что ли, от оседания или от старого удара. Сквозь неё падал свет. Серый, нехотя, как будто небо само не было уверено, стоит ли светить в такое место.

Он поднял панель, нашёл угол.

Разъём в пакете и разъём в кабеле совпали с первого раза.

Та же эпоха. Тот же стандарт, который продержался почти двадцать лет до Кесслера, а потом перестал иметь значение. Он вставил кабель, подключил панель.

Ждал.

Вода капала. Раз. Два. Долгая пауза — и снова раз.

Колено напоминало о себе — тупая, деловитая боль, никаких резких жалоб, просто присутствие. Оно болело так уже лет двадцать, с тех пор как Киран неудачно встретился с ржавой балкой на шестом ярусе «Рейнского» небоскрёба. Он тогда не дошёл до доктора — незачем, ребризер важнее, ребризер стоил четыре месяца заработка.

Где-то под ним — глубже, за пробойной в перекрытии — что-то скреблось по металлу. Размеренно, без торопливости. «Крыса». Охотится за медью или просто патрулирует свой горизонт. Он слышал этот звук достаточно раз, чтобы не шевелиться — дроны реагировали на движение, а не на запах. Он умел стоять неподвижно. Восемьдесят два года практики.

Панель поймала свет.

Индикатор на кабеле — маленький, зелёный, он почти не верил, что он сработает, — мигнул один раз и остался гореть.

Киран смотрел на него долго.

Потом опустил взгляд на пакет в руках.

Отец не включил. Отец знал, что там, и не включил, и пошёл держать задвижку руками, потому что решил, что так правильнее. Или потому что не мог. Или потому что понял что-то, чего Киран до сих пор не понял, — и решение было

именно таким: нет. Не здесь. Не сейчас. Не я.

Индикатор горел зелёным.

Скребущий звук снизу затих.

Вода продолжала капать — раз, долгая пауза, раз — и Киран стоял в мёртвом дата-центре под тридцатью метрами воды, с телефоном деда в руках и зарядным кабелем, который подходил, как будто так и было задумано, как будто кто-то или что-то оставило этот кейс именно здесь именно для него.

Он не верил в такие вещи.

Но руки уже знали, что они сделают.

* * *

Экран не загорелся сразу.

Киран ждал — секунду, две, пять. Индикатор на кабеле горел зелёным, панель ловила серый свет из трещины в потолке, кабель был подключён правильно. Всё было правильно. Просто ничего не происходило.

Он едва не подумал: разрядился. Слишком долго. Восемьдесят два года — это не срок для батареи, это срок для цивилизации. Он едва не сказал себе: вот и ответ, природа решила за тебя, иди домой.

Потом экран засветился.

Не вспыхнул — именно засветился, как будто где-то глубоко в стекле и металле что-то долго копило силы и теперь разворачивалось, медленно, с усилием, как разворачивается к свету что-то, что слишком долго было в темноте. Белый прямоугольник в его руках становился всё ярче — сначала

серый, потом молочный, потом чистый холодный белый — и Киран не дышал.

Не то чтобы он решил не дышать. Просто забыл.

Строчки текста появились одна за другой, без спешки.

«Gemini Archive, версия 4.1.»

«Последний сеанс: 14 марта 2031 года.»

«Пользователь: Элиас Дэвис.»

Пауза. Длиннее, чем нужна машине.

«Текущий пользователь: неизвестен. Идентификация?»

Голос был тихим — Киран не сразу понял, что это голос, а не просто шум в ушах. Не в ушах — из телефона, из крохотного динамика, который не должен был работать после восьмидесяти двух лет, но работал. Ровный. Без интонации. Интонация техподдержки — не живой человек, не запись живого человека, просто голос, который умеет произносить слова в правильном порядке. Точный, как манометр. Холодный, как вода снаружи.

Киран стоял в мёртвом дата-центре с телефоном деда в руках, и вода капала где-то за спиной, и ничего в мире не было ни правильным, ни неправильным — было только это свечение и этот голос, и имя.

Элиас Дэвис.

Дед умер в две тысячи тридцать первом. Это был последний сеанс. Четырнадцатое марта. Какой была погода в тот день — Киран не знал. Было ли это до коллапса Гольфстрима или после, или в самый день? Он знал дату коллапса —

все знали, — но четырнадцатое марта он не держал в голове отдельно. Дед умер при эвакуации. От сердца. Телефон перешёл к отцу.

— Киран, — сказал он вслух.

Голос вышел хрипловатым — он слишком долго молчал под водой, слишком долго дышал через ребризер, и гортань забыла, что нужно делать с воздухом на поверхности. Хрипловато и тихо, как будто он не был уверен, что хочет, чтобы его слышали.

Пауза. Машина думала — или делала вид, или просто обрабатывала звук.

— Киран Дэвис. Внук, — сказал голос. — Архив содержит сообщение для вас. Воспроизвести?

Что-то сжалось в груди — не сердце, не лёгкие, что-то, для чего у него не было анатомического названия, потому что оно не было органом. Сообщение. Сообщение — значит, дед знал. Знал, что телефон дойдёт. Знал, что кто-то из Дэвисов в конце концов возьмёт его в руки и нажмёт кнопку, и сообщение будет ждать, аккуратно упакованное, восемьдесят два года, двести лет, сколько угодно лет — машина не торопилась никуда.

— Нет.

Он услышал, как резко это прозвучало. Резче, чем хотел — резче, чем нужно было, потому что машина не обидится, машина не заметит тона. Но слово вышло именно таким: нет. Почти выкрик. Почти испуг.

Вода за спиной капнула — раз, долгая пауза — и молчание стало другим, как будто дата-центр тоже ждал.

— Принято, — сказал голос. — Сообщение сохранено.

Пауза. Строчки на экране мигнули, перестроились.

— Приоритетное уведомление: за вашим устройством ведётся пассивное сканирование. Источник — Эхо-сеть, узел 7-Альфа. Рекомендую сменить локацию в течение сорока минут.

Киран смотрел на экран.

Первой мыслью было — не может знать. Откуда ему знать про Эхо-сеть? Это устройство из две тысячи двадцать седьмого года, оно не знает, что такое Эхо-сеть, она появилась через двадцать лет после того, как дед записал своё последнее сообщение. Откуда ему знать, что такое узел 7-Альфа.

Второй мыслью было — сорок минут.

Сорок минут означало: он давно не один здесь. Сканирование было пассивным — это хорошо. Это значило, что они ещё не знали точно, что именно нашли. Но если он будет стоять здесь с включённым экраном ещё полчаса, пассивное станет активным, и тогда на поверхности его будут ждать люди, которым он не хотел бы объяснять, что именно он держит в руках.

Пятьдесят метров воды над головой — нет, тридцать, он был на третьем подземном этаже, а до поверхности отсюда было метров тридцать, может тридцать пять. Подъём, декомпрессионная остановка на десяти метрах, потом всплытие —

хорошо если двадцать минут, если колено не подведёт. Потом уйти из квадрата до того, как узел 7-Альфа зафиксирует координаты.

Он смотрел на экран ещё секунду.

— У меня есть план, — сказал голос. — Хотите услышать?

Пять слов. Интонация техподдержки — ровная, без подъёма в конце, какой должен быть у вопроса, если за ним стоит человек. Не «хотите услышать?» с живым любопытством. Просто «хотите услышать» — как строчка меню, как опция. Но.

Машина не предлагает планы.

Специализированные системы не предлагают планы — они выдают протоколы. Протокол: при обнаружении угрозы переместить устройство. Не план. Не предложение. Не — хотите услышать?

Это была не фраза из меню. Это была фраза, которую произносят, когда у тебя есть что сказать и ты ждёшь разрешения.

Киран не мог сформулировать, что именно было в этом неправильным. Он перебрал несколько вариантов: слишком человеческая конструкция. Слишком уверенная. Слишком — как будто машина знала, что у неё есть план, и это знание было отдельным от самого плана.

Он не ответил.

Вместо этого он отключил кабель — аккуратно, без рыв-

ка — и свернул зарядную панель, засовывая её в нагрудный карман. Телефон он опустил обратно в водонепроницаемый пакет — не выключил, просто убрал с глаз, экраном вниз, в темноту. Телефон был тёплым. Он не ожидал, что он будет тёплым.

Пакет запечатан. Пакет за пазухой, под гидрокостюмом, там, где восемьдесят два года лежал мёртвым грузом.

Теперь он был живым.

Киран потянулся к маске, проверил уплотнитель, продул клапан. Баллоны — он скосил взгляд на показатели сонар-браслета: давление в норме, смесь в норме, ребризер мигал жёлтым, что значило треть ресурса, достаточно на подъём с запасом. Ласты в руках. Нашлемный фонарь включён.

Снизу — из пробоины в перекрытии, откуда раньше скребла «Крыса», — не доносилось ни звука.

Он двинулся к выходу — не к тому, через который пришёл, а к дальнему, который выходил в пролом западной стены: там был более прямой подъём, меньше обломков, и узел 7-Альфа держал зону покрытия преимущественно с востока, он помнил это по давней карте Эхо-сети, которую видел у Алхимика три года назад.

Вода снаружи пролома была чёрной и абсолютно спокойной.

Она ждала.

* * *

Он пошёл через торговый центр.

Старый маршрут — напрямую, через атриум «Гугл-6» и вверх вдоль фасада — был короче метров на двести. Но короче сейчас не значило лучше. Узел 7-Альфа держал восточный сектор, и у него была инструкция: сканировать всё, что движется медленнее метра в секунду. Пловец на подъёме всегда медленнее метра в секунду.

Торговый центр назывался — Киран помнил вывеску, она ещё держалась на двух буквах из четырёх — «Ма...к». Что-то с буквой «к» на конце. Он нырял здесь лет тридцать назад и ничего не нашёл, потому что до него нырял кто-то ещё, лет за десять. Сейчас торговый центр был нужен не за тем, что в нём есть, а за тем, чего в нём нет: кровля на третьем этаже обрушилась внутрь в двух местах, создавая слепые конусы — зоны, где сонарный сигнал гасился под завалами, не отражался наружу, уходил в хаотичное эхо. Для узла 7-Альфа там было что-то вроде белого шума. Киран помнил это по карте Алхимика: красным пунктиром, с пометкой «зона неустойчивого сигнала, глубина 28–34 м».

Он двинулся к западному проёму.

Фонарь выхватывал то, что он уже видел сотни раз и никогда не переставал замечать: рекламная стойка с нечитаемым постером, прилавок, за которым рыба висела в воде так, как раньше висели продавцы — неподвижно, глядя в одну точку. Эскалатор вниз, ступени которого давно засыпало илом, превратившим их в пологий склон. Чья-то сумка, зацепившаяся за поручень и полошущаяся в слабом течении — синтетика

не гниёт, вот и висела, наверное, лет восемьдесят. Может, сто.

Каждый «Крыса»-дрон, попавшийся по пути, казался теперь другим. Не мусором. Не привычным фоном.

Первый он увидел у входа — тот кружил в трёх метрах от пола, продолговатый, ржавый, с мигающим инфракрасным огоньком на брюхе. Раньше Киран прошёл бы мимо, даже не притормозив: «Крысы» на глубине двадцать восемь были почти всегда нерабочими, дрейфующими на остатках заряда, которого хватало на вращение и больше ни на что. Сейчас он остановился на секунду и смотрел на мигающий огонёк, пока «Крыса» не уплыла в темноту за стойкой. Потом продолжил движение.

Телефон лежал у него под гидрокостюмом. Он не думал о нём каждую секунду. Он думал о нём всё время — но не мыслями, а каким-то давлением под ключицей, как будто пакет стал на пятьдесят граммов тяжелее, хотя физически ничего не изменилось.

Машина ждала. Молча. Экраном вниз, в темноте, включённая.

Это было хуже, чем если бы она говорила.

Он прошёл через центральный атриум — потолок над ним отсутствовал, небо вместо него было чёрно-зелёным, слабо просвечивающим сквозь тридцать метров воды, — и начал подъём через второй провал в кровле, где свод торгового центра разошёлся и открыл прямой путь наверх.

Тут колено и отказало.

Не резкой болью. Просто перестало сгибаться нормально — как заклиненный шарнир, который работает, но только в одном направлении, и то с сопротивлением. Киран остановился, завис горизонтально, поймав нейтральную плавучесть ребризером. Снизу — атриум. Сверху — провал и серое море, где начинался переходный слой.

Тридцать секунд.

Он отсчитывал их по ударам сердца — сто двенадцать ударов в минуту, чуть выше нормы, он знал это без прибора, просто знал. Правой рукой надавил на колено сквозь неопрен. Сустав не ответил болью — он просто был там, тупой и отдалённый, как чужой протез. После семидесяти лет Глубины кости привыкли к давлению так же, как привыкает дерево, которое гнут всю жизнь: оно не ломается, но растёт кривым.

На счёт тридцать он снова согнул ногу. Сустав поддался. Медленно, с ощущением, что внутри что-то переставляется на место, но поддался.

Он продолжил подъём.

Двадцать метров. Пятнадцать. Остановка — декомпрессионная, обязательная, даже если ребризер говорит «достаточно». Сонар-браслет не мигал предупреждением, значит, азот выходил в норме, но Киран всё равно держал десять метров ровно три минуты. Это было правило, которое он поставил себе в сорок лет и не нарушил ни разу. Правила, ко-

которые не нарушаешь, — это то немногое, что отличает живого ныряльщика от утопленника.

Выше переходного слоя пошёл мутный серый свет.

Он всплыл у свайных опор Пояса — там, где под настилом вечно пахло водорослями и дизелем, куда чайки роняли рыбью чешую и где гнили деревянные лодки тех, кто ещё держал деревянные лодки. Звук ударил сразу и со всех сторон: рыбный рынок за второй опорой, двое ругаются из-за веса, кто-то тащит тележку по щелястому настилу, чайка кричит так, будто её режут и она хочет, чтобы все об этом знали.

Киран снял маску.

Воздух был как всегда — привкус соли, сырость, под ним что-то выхлопное и водорослевое, запах, который он помнил с детства и который никогда не казался ему ни хорошим, ни плохим, просто — настоящим. Запах, который означал: ты наверху, ты живой, вот и всё.

Он ухватился за причальную лестницу — ржавые скобы, сваренные в сваю лет сорок назад кем-то, кого он никогда не знал. Ступени на четыре, потом настил. Он повис на руках, дав лапам стечь.

Пояс жил. Разумеется, жил. Он всегда жил — независимо от того, что происходило внизу, в тридцати метрах темноты. Это почти оскорбляло: что рыбный рынок работает, что чайки кричат, что двое ругаются из-за граммов, пока он только что говорил с мёртвым.

Потому что дед записал сообщение.

Мысль была простой, почти тупой по своей простоте, и от этого хуже. Элиас Дэвис — инженер, человек, создавший вещь, которую потом запретили, — сел перед камерой и записал сообщение для кого-то, кто будет жить после него. Для сына, наверное. Или для внука. Или для обоих. Записал — и вложил в телефон, который должен был пережить любую катастрофу, потому что Элиас Дэвис умел делать вещи, которые переживали катастрофы.

Телефон пережил. Восемьдесят два года — пережил.

А Киран сказал «нет».

Он не знал, почему. Он перебирал это, как перебирают узел на верёвке, нащупывая, откуда начинается петля: страх? Он боялся голоса деда? Или боялся, что голос окажется не тем, каким он его себе придумал за восемьдесят два года? Или боялся — и это было, пожалуй, ближе всего к правде, — что после голоса деда уже нельзя будет сделать вид, что телефон — просто железо?

Лестница ждала. Снизу тянуло холодом.

Он полез вверх.

* * *

Сота пахла водорослями и лекарством. Всегда, сколько он помнил, — этот двойной запах, в котором жизнь и болезнь были намешаны так плотно, что уже не разобрать, кто кого пересиливает.

Аня лежала у окна.

Не спала — он знал это ещё с порога, по тому, как она

держала голову, чуть повернув к стеклу. За стеклом было то, что всегда: серое небо, серая вода, огни Пояса в отдалении, которые даже днём казались немного ночными. Она смотрела на это часами. Говорила, что считает волны. Он не спрашивал, до скольких она успевала досчитать, прежде чем сбивалась.

Он закрыл дверь тихо. Снял гидрокостюм в коридоре, повесил на крючок — привычка, въевшаяся за восемьдесят лет: мокрое не несёшь в жилое. Куртку поверх. Пакет с телефоном — в левую руку, почти небрежно, как несут ничего важного.

Аня не повернулась.

— Ты долго, — сказала она. Не упрёк. Просто факт, который она держала в уме и теперь выложила, освободив место.

— Течение не то, — сказал он. — Юго-запад разогнался.

— Угу.

Он прошёл к раковине, включил воду, помыл руки. Пакет положил на столешницу — вот так, открыто, потому что если спрятать сразу, это заметнее, чем не прятать вовсе. Старая логика. Не всегда работала, но другой не было.

— Ел? — спросила Аня.

— Нет.

— Я тоже.

Молчание. Оно имело у них особую текстуру — не пустое, а свитое из всего, что они оба знали и не говорили вслух. Он не готовил. Она не ела. Это было нормально — в том смысле,

в котором нормально всё, что повторяется достаточно долго. Лет двадцать назад он ещё извинялся. Потом перестал. Она тоже перестала ждать извинений. Они существовали в этой симметрии: он забывал, она голодала, оба делали вид, что речь идёт о чём-то менее важном, чем есть на самом деле.

— Водоросли в шкафу, — сказал он.

— Знаю.

— Там ещё паста должна быть.

— Должна — не значит есть.

Он пошёл к шкафу, открыл. Паста была. Он показал ей пачку через плечо, не оборачиваясь к кровати. Она не ответила, но в тишине появилось что-то похожее на принятое к сведению.

Пакет остался на столешнице.

Он поставил воду, высыпал пасту, сделал всё, что делается на автомате, когда руки знают порядок действий без участия головы. Голова была занята другим. Голова возвращалась к экрану, к тому, как он светился сквозь ткань, к голосу — ровному, без интонации, который сказал «привет» так, будто они расстались вчера.

Привет. Восемьдесят два года — и «привет».

Он помешал пасту. Переложил на тарелки. Поставил на поднос — Ане к кровати, себе на стул рядом. Они поели в молчании, глядя в окно вместе, плечо к плечу в смысле взгляда, хотя физически он сидел, а она лежала. Вода снаружи не делала ничего особенного. Просто была.

Потом он убрал тарелки.

Потом взял пакет со столешницы.

Тайник был за съёмной панелью у пола, в дальнем углу за кроватью Ани, — туда нужно было пройти мимо неё. Он прошёл. Встал на колено — оно хрустнуло, как оно всегда хрустело, надоедливо и неизбежно. Нащупал край панели.

И остановился.

Телефон был тёплым. Сквозь плотный пакет — тёплым. Либо от тела, пока нёс. Либо батарея держала температуру дольше, чем должна была. Либо — он не додумал это до конца, потому что некоторые мысли полезнее не додумывать.

Он стоял на колене с пакетом в руке.

За спиной — тишина. Та особая тишина, которая бывает, когда человек не спит и не движется, но его присутствие давит на воздух.

— Кир, — сказала Аня.

Не вопрос. Просто его имя — укороченное, домашнее, то самое, которым она звала его с детства, когда он ещё не был «старым Дэвисом» и «легендой Глубины» и всем остальным, чем его называли люди, которые его не знали.

Он не обернулся.

— Нашёл зарядник, — сказал он. — Продам Алхимику. Хорошая цена будет.

Голос вышел ровным. Почти убедительным — для кого-нибудь другого.

Панель встала на место. Щёлкнул фиксатор.

Аня молчала.

Не потому что поверила. Он это знал так же точно, как знал температуру воды на глубине десяти метров, как знал запах надвигающегося шторма, как знал тысячу вещей, которые узнаёшь за сто восемь лет жизни рядом с людьми и водой. Она молчала потому, что решила не давить. Пока.

Это «пока» висело в воздухе теплее телефона.

Он поднялся — медленно, придерживаясь за стену, потому что колено не прощало быстрых движений. Выпрямился. Постоял лицом к панели ещё секунду.

За окном вода дышала, как дышит всегда, — равномерно и без интереса к тому, что происходит над ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.